

Дискурсы этики. 2022, 2(14): 13—24

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/12/DE2022_2_14_13-24.pdf

УДК 17

МАЙСТЕР ЭХХАРТ: ОТРЕШЕННОСТЬ КАК ВЫСШАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Штембелюк И. Н.

статья:

поступила в редакцию 13.08.2022

принята к публикации 10.10.2022

опубликована (онлайн) 25.12.2022

© Штембелюк Игорь Николаевич

Студент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: Mescaline11@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. В данной статье рассматривается аспект, касающийся этического учения великого рейнского мистика на основе понятия «отрешенность». Цель статьи заключается в том, чтобы выявить основания, почему Майстер Экхарт утверждал, что отрешенность и есть высшая христианская добродетель.

Ключевые слова: Майстер Экхарт; отрешенность; этика; немецкая средневековая мистика; добродетель

Discourses of Ethics. 2022, 2(14): 13—24

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2022/12/DE2022_2_14_13-24.pdf

MEISTER ECKHART: DETACHMENT AS THE HIGHEST CHRISTIAN VIRTUE

Shtembeliuk Igor

received 13.08.2022

accepted 10.10.2022

published (online) 25.12.2022

© Igor N. Shtembeliuk

Student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: Mescaline11@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: This article discusses the aspect relating to the ethical teachings of the great Rhine mystic based on the concept of "detachment". The purpose of the article is to reveal the reasons why Meister Eckhart argued that detachment is the highest Christian virtue.

Keywords: Meister Eckhart; detachment; ethics; German medieval mysticism, virtue

Иоганн Экхарт (1260-1328) обычно воспринимается как выдающийся представитель немецкой мистики. Философско-богословское учение Майстера Экхарта не останавливается только на этическом учении, но тем не менее, Экхарт как представитель христианского мира не оставляет без рассмотрения и вопросы добродетели. Для рассмотрения этического учения Экхарта, необходимо начать с предварительных замечаний относительно этимологии понятия «отрешенность». Данное понятие происходит от немецкого глагола *abeschieden*, что можно перевести на русский язык как «отделяться», «обособляться», «уходить прочь», «расставаться» (в том числе с жизнью) и т.д. Нам известно о том, что существует двойное понимание «отрешенности», первое связано с буквальным смыслом слова, а именно, как некий призыв отойти от всего мирского и перейти к уединенной жизни отшельника, практически стать анахоретом.

Что касается рейнского мистика, то он отрешенность воспринимает совершенно иначе, поскольку его не интересует жизнь отшельника, и более того, само отшельничество немецкий мастер воспринимает исключительно в духовном смысле. Соответственно, как отмечает М.Л. Хорьков, имеет в виду не только конкретный, хотя и довольно широкий смысл понятия отрешенность, но «метафорический смысл ситуации отрешенности» как способа бытия. Речь прежде всего идёт о духовном отшельничестве, как об отрешенности духа в миру» [3, с. 154].

Таким образом, оставление своего Я в христианской традиции оказывается довольно тесно связано с добродетельной жизнью. Мастер полагал, что отрешенность воспринимаемая как добродетель, единственно никак не причастна внешнему миру, а потому, только отрешенность и можно считать поистине высшей христианской добродетелью. Следует сказать о том, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией

духовного обращения, а не попытки изолироваться от социума. Отрешенность прежде всего необходимо воспринимать как определенное отношение, которое реализуется в мире, и мир, в данном случае, никак не препятствует проявлению любви человека к Богу. Таким образом, нельзя сказать, что место, в котором человек пребывает, имеет первостепенное значение, в повседневной жизни среди множества людей может быть в полной мере проявлена отрешенность. Майстер Экхарт неоднократно повторял эту мысль, утверждая, что совершенно отрешенного человека не может поколебать толпы людей, или какие-либо треволнения духа.

Отрешенность не только исключительно христианская добродетель, единственно благодаря которой человек способен достигнуть ничто. Но более того, по своей сути — это готовность к достижению ничто. Это отказ от целой природы человека, как оставление себя и мира без внимания. В данном случае отрешенность следует воспринимать не как бегство от мира, но как аскезу в миру. Для более полного понимания того, почему Майстер Экхарт ставит отрешенность превыше остальных добродетелей, необходимо более тщательно рассмотреть само понятие отрешенность.

Отрешенность для Экхарта — это определенный путь, этот путь способен человека привести к пониманию, и более того, к союзу с Богом, тем самым, существенным в отрешенности является именно освобождение себя от всего особенного, от всякой инаковости. Мастер понимает отрешенного человека как того, кто «освобождён от всех тварных вещей и затворён в самом себе на подлинный замок истины» [1, с. 120].

В другом месте Мастер задаётся вопросом: «Какова же цель чистой отрешенности? На это я отвечу и скажу, что ни то, ни это не является чистой целью чистой отрешенности. Она пребывает в обнаженном ничто» [1, с. 79]. Продолжая данную мысль, скажем, что целью отрешенности — является отрешенность от всех тварных вещей, поскольку все вещи являются особыми и различными, а это, как нам известно, и есть изначальный аспект всего сотворенного, что неприемлемо. Экхарт утверждает, что «творения, хотя и от Единого, однако,

ниже Единого, неизбежно впадают в число, множественность, различие» [4, с. 63]. Мы выяснили, что целью является единение с Богом, а Бог по своей сущности Един, т.е. совершенно неинаков, то, чем дольше мы будем иметь дело с тварными, конкретными и временными вещами, тем меньше у нас будет возможности достичь того желанного состояния, когда возможно единение с Богом, с тем, что есть Одно.

В связи с вышесказанным, возникает вполне закономерный вопрос, если мы признаём, что человек сотворён, и, таким образом, различен по существу, то как вообще возможно помыслить, что человек способен освободиться от фундаментального различия, которое изначально по факту его сотворения ему присуще? Это единственно возможно потому, что человек получает своё существование от Бога, и существует человек только благодаря Богу, необходимо понимать, что все творения — ничто, помимо самого Бога. Тем самым, можно сказать, что в реальности человек уже соединён с Богом, и на основании этого, Мастер говорит об отрешенном человеке, что «в такого человека Бог не входит, он в нём сущностным образом» [1, с. 120].

Все творения свободны от различий в их отношении к Богу как источнику собственного бытия, и поэтому возможно освобождение от различий, т.к. в своей глубочайшей сущности человек уже свободен от различий в самом Боге. Существуют три вещи, которые мешают союзу человека с Богом, все они включают различие: «первое — телесность, второе — множественность, третье — временность» [1, с. 187].

Телесность включает в себя не только пространство, но и собственное тело, и именно это отличает одного человека от другого, поскольку природа человека нераздельно связана с телесностью, он лишён возможности освободить себя от физического тела, которое присуще ему. Однако, всё-таки каждый человек способен освободить себя от забот и хлопот о собственном теле, Экхарт затрагивает эту тему в конце трактата Об отрешенности. Он говорил, что «быстрейший зверь, что несёт к сему совершенству это страдание <...> ничто пред людьми не уродует тело так, как страдание» [1, с. 81]. Наверное, едва ли можно сказать, что страдание является наиболее приятным средством до-

стижения поставленной цели, а именно, возможности отречься от беспрестанного зацикливания на собственном теле, но тем не менее, страдание является наиболее быстрым и действенным средством.

После предварительных, но безусловно важных замечаний относительно учения об отрешенности, можно перейти к непосредственно этическому аспекту учения Экхарта, и постараться раскрыть тему, почему Экхарт считал, что отрешенность есть высшая христианская добродетель. И если мы принимаем это утверждение, то разве не возникает определенное противоречие с христианской догматикой? Поскольку нам известно, что в христианстве признаются три высших добродетели, а именно любовь, смирение и милосердие. Как они соотносятся с отрешенностью?

Рейнский мистик ставит отрешенность превыше любви, и это объясняется тем, что «любовь вынуждает меня полюбить Бога, а отрешенность вынуждает Бога меня полюбить» [1, с. 74]. Экхарт отдаёт предпочтение такому состоянию человека, когда сам человек своим внутренним совершенством, способен привлечь к себе Бога, тем самым, чтобы сам Бог был заинтересован в этом совершенном человеке, но никак иначе. Это связано с тем, что Бог имеет гораздо больше возможностей и способностей проникнуть в самую глубину сущности человека, и впоследствии объединиться с ним, человек же несколько ограничен в своих возможностях. Развивая свою мысль, Мастер пытается доказать, почему отрешенность привлекает Бога к человеку, так «каждая вещь охотней пребывает на своём собственном месте. Естественным же местом Бога является цельность и чистота, каковая проистекает из отрешенности» [1, с. 74].

Вторая причина, по которой Майстер Экхарт ставит отрешенность превыше любви, связана с тем, что «любовь вынуждает меня к тому, чтобы всё претерпел ради Бога» [1, с. 74]. Таким образом, Экхарт убеждает нас в том, что отрешенность побуждает к невосприимчивости тварности, человек должен всецело быть озабочен только Богом, все устремления и мысли должны быть направлены к Богу. Тем самым, можно сказать, что отрешенность довольно сильно близка к ничто, и «нет ничего тонкого, что могло бы в ней содержаться, кроме

Бога, он предельно прост и тонок, и может найти Себе место только в одном, и это одно есть отрешенное сердце, по этой причине отрешенность не восприимчива к чему-либо, кроме Бога» [1, с. 74-75].

Мастер отдаёт предпочтение отрешенности, а не смирению, и вот почему: смирение, как полагает Экхарт, может существовать и без отрешенности, но, совершенная отрешенность без совершенного смирения быть не может, рейнский мистик объясняет свою мысль так, что «совершенное смирение доходит до уничтожения самого себя» [1, с. 75]. Было сказано, что отрешенность довольно тесно соприкасается с ничто, и между совершенной отрешенностью и ничто не может быть ничего, и именно по этой причине совершенная отрешенность не может существовать без смирения, как и смирение без отрешенности, в противном случае, смирение будет несколько ущербным, лишенным главного, так утверждал Майстер Экхарт.

Есть и другая причина, по которой рейнский мистик отдаёт предпочтение смирению отрешенности: «совершенное смирение преклоняется перед всеми творениями, и в сём преклонении человек исходит из себя самого к твари, а отрешенность в себе самой» [1, с. 74-75]. Принимая аргументацию Экхарта, мы понимаем, что совершенная отрешенность ни в коем случае не будет склоняться перед тварью, да и не будет стараться превозносить себя перед ней. Как говорил Экхарт, у совершенной отрешенности нет стремления быть ниже неё, и наоборот, быть выше, она стремится иметь основание только в самой себе, и не ради чьей-то любви, чьего-то страдания или же желания. Чтобы хотеть быть тем или быть этим, необходимо иметь определённое желание, совершенная же отрешенность не испытывает желания быть чем-то, и не имеет внутри себя никакого влечения к чему-либо.

Мы уже выяснили, что отрешенность превыше любви, превыше смирения, остаётся третья христианская добродетель — милосердие, и не трудно догадаться, что Экхарт, ставит отрешенность превыше милосердия. Как об этом писал сам средневековый мыслитель в трактате Об отрешенности «милосердие есть не что иное, как то, что человек выходит из себя самого ради страдания ближних и от этого помра-

чается его сердце. Отрешенность пребывает свободной остаётся в самой себе, не позволяя ничему себя опечалить, и пока человека что-то может смутить, стези его не направлены к благу» [1, с. 76]. В приведенном фрагменте мы вновь сталкиваемся с привычной нам аргументацией Экхарта, речь идёт о том, что отрешенный человек уже всецело погружён в вечность, и ничто не способно эту погруженность потревожить, ни преходящее, ни тварное. И более того, человек «не восприимчив ни к чему, что телесно, и он мёртв для мира, ибо всё, что от земли, ему не по вкусу» [1, с. 76]. Становится предельно ясно, почему в богословско-философском учении Экхарта место на пьедестале занимает отрешенность, а не признанные христианские добродетели, и сам мыслитель выражает свою мысль предельно кратко «если я окину взором все добродетели, то не найду ни одной без изъяна и так к Богу влекущей, как отрешенность» [1, с. 76]. Мы выяснили, что ни одна добродетель не способна самостоятельно добраться до той вершины, на которой возвышается отрешенность. Возникает вопрос, что же такого в этой отрешенности и что она такое, что сама по себе столь благородна, что способна своей силой затмить любовь, смирение и милосердие. Экхарт отвечает на этот вопрос так: «истинная отрешенность есть не что иное, как то, что дух неподвижно стоит среди всех треволнений радости и печали, чести, бесчестья и поругания, - как могучая гора в лёгком ветре» [1, с. 76]. В этом поэтичном фрагменте открывается наиболее важная и существенная мысль, связанная с отрешенностью, именно эта неподвижность ведёт человека к совершенному уподоблению Богу, и как об этом писал Мастер «Ибо то, что Бог является Богом, имеет Он от Своей неподвижной отрешённости. И от отрешенности имеет Он Свою чистоту и Свою простоту и Свою неизменность» [1, с. 76-77].

Если у человека есть стремление к уподоблению Богу, насколько вообще мы в состоянии помыслить, чтобы такая возможность была, осознавая свою инаковость по отношению к Богу, то это устремление единственно возможно достичь благодаря совершенной отрешенности от всего земного, преходящего и тварного. Отрешенность способна сопроводить человека к своей чистоте, и от этой чистоты происходит

переход к простоте, а от простоты к неизменности, и именно это подтверждает некое подобие между человеком и самим Богом.

Было сказано, что отрешенность, Экхарт, ставит превыше любви и остальных добродетелей, можем ли мы в таком случае признать, что отрешенность есть добродетель добродетелей, царь всех добродетелей? Ответ на этот вопрос будет безусловно утвердительным, поскольку именно благодаря отрешенности, человек способен выполнить требование Бога, а это требование заключается в том, чтобы во всём стремиться к Нему, божественная благодать даёт возможность человеку постичь Бога в своей истинной природе.

Однако, всё-таки необходимо сделать вынужденные оговорки, когда мы говорим, что отрешенность нельзя полностью назвать добродетелью в собственном смысле данного слова, поскольку сам Экхарт утверждал, что любая добродетель имеет собственный ориентир на нечто тварное, а отрешенность, как нам известно, внутренне свободна от всякой твари, то важно здесь отметить, что Экхарт с неизбежностью сталкивается с определенной трудностью, когда трактует отрешенность как вершину всех добродетелей, возникает «противоречие с евангельским пониманием любви, смирения и милосердия как наивысших христианских добродетелей» [3, с. 169].

Данная проблема решается следующим образом, если мы будем понимать любовь, как стремление Я соединиться с Богом, а смирение как стремление Я поставить себя ниже всего тварного мира, и милосердие станем воспринимать как некую попытку распространить заботу Я на различные творения, то в таком случае любовь, смирение и милосердие невозможно рассматривать в качестве наивысших христианских добродетелей, поскольку они не отказываются от своего собственного Я ради самого Бога, и тем самым, всем перечисленным добродетелям остаётся присущ эгоизм, а с этим эгоизмом невозможно приблизиться, и более того, войти в подлинную жизнь в Боге. На этом пути добродетели всё ещё остаются неочищенными от эгоизма, и они не могут быть источниками одного только добра, поскольку в них присутствует порок, в данном случае нам необходима отрешенность, бла-

годаря которой мы сможем избавиться от любви и пр. от всякого проявления эгоизма тем самым, сделав их совершенными добродетелями.

Рейнский мистик утверждал, что необходимо качественно изменить любовь, она должна стать ожиданием, т.е. готовностью человека воспринять божественную благодать. Смирение помогает человеку отказаться от собственной воли, которая может повести человека по ложному пути, тем самым, отказ от своей воли, подводит человека к мысли, что необходимо следовать Божественной воле, и полностью отдаться в её подчинение, только при таких условиях милосердие перестает заботиться о собственном Я. По мнению рейнского мистика, если мы будем именно так и никак иначе воспринимать эти добродетели, тогда их по праву можно считать действительно подлинными христианскими добродетелями.

Стоит отметить, что «образцом милосердия, смирения и любви, соединенных с отрешенностью, Экхарт видит в Деве Марии и в Иисусе Христе» [3, с. 166]. По мнению М.Л. Хорькова «соединение милосердия с отрешенностью имеет также и важную практическую связь» [3, с. 167]. Поскольку возникает возможность в акте милосердия по отношению к грешному человеку не омрачить собственное сердце грехом, происходит это следующим образом, отрешенный человек перестает взирать на тварные вещи, происходит своего рода перенастройка, такой человек все свои душевные и мысленные порывы обращает в сторону Бога, и в этом устремлении невозможно увлечься чем-то иным, невозможно подчиняться увядающим вещам. Именно благодаря этой невозможности грешить в состоянии чистой отрешенности происходит уподобление Богу.

Ещё необходимым будет сказать о том, что учение об отрешенности вызывает определенные трудности в понимании природы страдания, если следовать учению Экхарта, то мы признаем, что страдание возникает из-за тварного, а отрешенность будучи полным освобождением от всякой твари, то в таком случае возникает мысль, что отрешенный человек не способен иметь хоть какое-либо представление, понимание того, что такое страдание вообще, и он становится

словно невосприимчив к акту страдания, представляется, что исчезает способность сочувствовать страдающему.

Однако не будем поддаваться ложному мнению, и наивно полагать, что Экхарт оставаясь всё же в рамках христианской традиции, так низко оценивает значимость страдания. Подлинное страдание, исходит не от творения, и более того, даже не от самого человека, а «ниспосылается в качестве испытания Богом, т.е. имеет божественное происхождение и служит средством приобщения человека к божественной благодати» [3, с. 167]. Так по мнению Экхарта, образцом такого страдания являются — Страсти Христовы. Мастер делает весьма важный для него вывод о том, что отрешенность и страдание никоим образом не вступают в противоречие друг с другом, но наоборот дополняют, в таком случае, подлинный смысл страдания открывается человеку только тогда, когда человек пребывает в состоянии совершенной отрешенности. Отрешенность и страдание делают человека способным приобщиться к постижению Бога, «позволяя ему увидеть себя в Боге. Таким образом, страдание — это лишь один из аспектов отрешенности» [3, с. 169].

Известно, что страдание сопровождается движениями души, такими как, страх, жалость или же разочарование, весьма затруднительным становится эти движения согласовать с пониманием страдания в рамках учения об отрешенности. Если эти движения души сопровождают любое страдание, как в таком случае страдание может стать отрешённым? И более того, если отрешенность делает невозможным подобные состояния, будет ли в таком случае страдание, подлинным страданием, благодаря которому возможно приобщиться к Богу?

Для ответа на эти вопросы необходимо вновь обратиться к трактату Об отрешенности, Экхарт старался решить эту проблему с помощью аналогии двери: хотя дверь, подобно душе со всеми её чувствами и порывами, постоянно движется туда-сюда и, оставаясь дверью, служащей для входа и выхода, не может оставаться без движения, петли, на которых она висит, покуда дверь является дверью, всегда остаются неподвижными.

Стоит им стать подвижными, т.е. оторваться от косяка, дверь упадёт на землю, перестанет быть собственно дверью, так и отрешенный человек: хотя его душа и чувства могут беспрестанно двигаться в разные стороны и направления, внутренне по своей сущности он остаётся неподвижным, т.к. пребывает в Боге.

В завершении статьи, подытожим всё вышесказанное. Отрешенность — это высшая добродетель по своей сути превосходящая любовь, смирение и милосердие, поскольку они в изначальном своём виде не лишены эгоизма, и именно отрешенность способна их излечить от некоей порочности. Таким образом, самой совершенной добродетелью, «которая ведёт к достижению конечной цели, более других связывает человека с Богом, по Экхарту — это уединенность, отрешенность» [2, с. 47].

Список литературы

1. Майстер Экхарт. Трактаты. Проповеди. М.: Наука, 2010. 443 с.
2. Полищук Л.А. Этическое учение Мейстера Экхарта // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2012. №3. С. 45-49.
3. Хорьков М.Л. Майстер Экхарт: Введение в философию великого рейнского мистика. М.: Наука, 2003. 278 с.
4. Meister Eckhart Commentary on Exodus. § 58 // Meister Eckhart: teacher and preacher. p. 63.

References

1. Maister Ekkhart. Traktaty. Propovedi. M.: Nauka, 2010.
2. Polishchuk L.A. Eticheskoe uchenie Meistera Ekkharta // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2012. №3, pp. 45-49.
2. Khor'kov M.L. Maister Ekkhart: Vvedenie v filosofiiu velikogo reinskogo mistika. M.: Nauka. 2003.
3. Meister Eckhart Commentary on Exodus. § 58 // Meister Eckhart: teacher and preacher. p. 63.